

Глава 13. Аромат сандала

Пока Чи Шэн пребывал в глубоких раздумьях, в учебном зале поднялся шум. Раздались приближающиеся шаги, и кто-то остановился прямо перед его столом.

Чи Шэн поднял голову и узнал гостя:

— Молодой господин Гунъи?

Гунъи Лин оперся ладонью о край стола и слегка наклонился к нему:

— Свободно?

—...Да.

— Хм, даже если бы было занято, мне плевать, — Гунъи Лин с невозмутимым видом уселся рядом и скользнул по Чи Шэну косым взглядом. — Что уставился? Мне что, нельзя приходить на уроки в Зал музыки?

«Конечно, можно, но совсем не обязательно», — мысленно проворчал Чи Шэн. Заметив, что на них обращают всё больше внимания, он невольно помрачнел. Когда два самых обсуждаемых ученика школы садятся вместе, это неизбежно приковывает взгляды.

Сцена казалась Чи Шэну смутно знакомой — вчера Ли Ло точно так же, без лишних слов, приземлился рядом с ним. Стоило двум влиятельным фигурам по очереди проявить к нему внимание, как шансы остаться в тени окончательно растаяли. Чи Шэн, стараясь быть незаметным, чуть отодвинулся.

Гунъи Лин сидел с безупречной осанкой — выправка, впитанная с молоком матери в благородном клане, ощущалась в каждом его движении, несмотря на капризный и заносчивый нрав. Он будто не заметил, как Чи Шэн отстранился:

— Вчерашний поединок на мечах меня изрядно развлек, так что сегодня я в добром расположении духа. Решил исполнить свой долг младшего и составить тебе компанию на занятиях. Эй, говорят, ты был на утесе напротив. Ну и как? Видел, как я сражался? — Мою Мэйхуа Эрджуй в его ухе едва заметно качнулась.

Чи Шэн не сводил глаз с этого украшения:

— Видел. Было эффектно.

Он не лгал. Хоть Гунъи Лин и проиграл, его стремительная техника и летящий силуэт заслуживали похвалы.

— Кхм, — тот на мгновение самодовольно улыбнулся, но тут же взял себя в руки. — На самом деле я пришел к тебе по делу.

Чи Шэн так и знал: без цели этот юноша и шагу не ступит. Гунъи Лин, не замечая, что его собеседник уже почти свалился со скамьи, придвинулся ближе. Он принялся долго и пространно рассуждать о том, как его все обожают в школе, какой он любимчик и среди наставников, и среди учеников...

Чи Шэн привычно пропускал мимо ушей цветистое хвастовство.

Наконец молодой господин перешел к сути:

— В общем, старейшины и преподобные доверяют мне, так что я сам назначаю учеников для уборки их покоев. Вчера Линьлань-цзюнь обмолвился, что через три дня ждет тебя на Лося-фэн. Видимо, решил дать шанс новичку. Обычно учителя не показываются на Цзюньцзы-шань вне занятий, так что случай редчайший! Воспользуйся этой возможностью, чтобы сблизиться с ним. Если проявишь усердие, он наверняка накинёт тебе пару баллов на экзаменах в конце семестра!

Линьлань-цзюнь жил на Лося-фэн, в горном массиве за пределами главного острова школы, по соседству с Гуу-фэн, где обитал Линь Фэйсянь. Чи Шэн взвесил все «за» и «против». Линьлань-цзюнь сам вызвал его на работу, так что причин для отказа не было, к тому же это давало призрачный шанс хоть мельком увидеть обитель Линь Фэйсяня.

— Хорошо, — согласился он.

— Вот и славно. Договорились. Через три дня встретимся у каменных врат на склоне Лося-фэн, я тебя провожу, — улыбнулся Гунъи Лин. — Кстати... это правда, что ты вчера ввязался в драку из-за Лансюэ-цзюня?

Чи Шэн опешил:

«Что за нелепые слухи в его голове?»

— А ты хорош! — продолжал Гунъи Лин. — Раньше я злился, что ты меня одолел, но после такого... признаю, я впечатлен! Ты настоящий мужчина! Со стержнем!

— Почему ты так решил? — Чи Шэн пребывал в полном замешательстве.

— Видишь ли, наш Лансюэ-цзюнь... Он и совершенствованием высок, и лицом пригож, во всём хорош, кроме одного — он невыносимо зануден и правилен. Подерешься — он тебя накажет. Подерешься из-за него — он не растрогается, а накажет вдвойне!

—...За что?

— Драка — это грязно и недостойно. Ты думаешь, он позволит полоскать свое имя в подобных историях? Для него это оскорбление.

При этих словах уголок губ Гунъи Линя презрительно дернулся. Похоже, популярность Линь Фэйсяня в школе действительно граничила с полным отсутствием друзей.

Но Чи Шэн не ожидал, что этот своенравный юноша, едва завидев Линь Фэйсяня на пороге, поспежит прочь, словно спасаясь от чумы. Перед тем как выскочить из зала, он успел яростно прошептать Чи Шэну на ухо:

— Проклятье! Почему ты не сказал, что этот урок ведет он!

Чи Шэн почувствовал неловкость: между этими двумя явно пробежала черная кошка.

Линь Фэйсянь холодным взглядом проводил ученика, который так дерзко покинул занятие, но Чи Шэн, ожидавший гневной отповеди, ошибся. Старейшина проигнорировал демарш, словно перед ним была пустота.

Он невозмутимо опустился на бамбуковую циновку. Положил семиструнный цинь на стол, выровнял строй, подтянул струны — каждое его движение было отточенным и текучим. Затем, не обращая внимания на отсутствие Гунъи Линя, он начал лекцию, демонстрируя звучание пяти нот.

Чи Шэн, обрадованный уходом соседа, наконец смог перевести дух и сосредоточиться.

— Звуков всего пять, но их сочетания рождают бесконечные мелодии. Цветов всего пять, но их переливы невозможно охватить взором. Вкусов всего пять, но их многообразие не исчерпать. Так и в сражении: есть лишь напор и оборона, но их смена бесконечна. Без шести законов не выверить пять тонов.

Голос Линь Фэйсяня звучал ровно и отстраненно, почти не гармонируя с чарующими звуками циня.

Он медленно коснулся струн:

— Все инструменты в мире подчиняются этим пяти нотам. Обычную игру мы уже разбирали, с

сегодняшнего дня приступим к наполнению звука духовной энергией. Это необходимо, чтобы сокрушать врагов, сдерживать их или поддерживать союзников.

«Ну вот, теперь точно — как об стенку горох», — уныло подумал Чи Шэн, торопливо доставая свою сэ.

— Ноты Гун и Шан создают ровный тон, задавая ритм и границы поля боя. Чжи — резкий удар, несущий в себе ледяную жажду смерти. Юй — сокрушает врага, Цзюэ — проникает в разум и берет его под контроль, — объяснял Линь Фэйсянь. — Сегодня мы освоим азы: «Чжиинь Тяоша».

Чи Шэн нашел нужную струну и принялся упражняться. В зале тут же поднялся невообразимый гомон — десятки инструментов терзали слух на разные лады. Внезапно резкий порыв ветра ударил Чи Шэну в лицо, на мгновение растрепав его волосы и одежду.

— Ой! — сидевшая напротив девушка радостно воскликнула: — Получилось!

Линь Фэйсянь подошел к ней и одобрительно кивнул:

— Верно. Закрепи результат.

Ученица практиковалась с изящной флейтой из льдисто-голубого нефрита — инструмент идеально подходил ее хрупкому облику.

Линь Фэйсянь обернулся и посмотрел на Чи Шэна. Словно проверял, не поранил ли его этот стихийный выплеск энергии. Его взгляд задержался на Чи Шэне лишь на секунду и тут же равнодушно скользнул мимо.

Чи Шэн не смел поднять глаз.

Что значил этот взгляд? Неужели он собирается спросить о драке на Площади Тайцзи? Стоит ли объясниться самому?

Линь Фэйсянь продолжал обходить зал, проверяя успехи других. Чи Шэн остался наедине со своими тревожными мыслями. Он украдкой следил за Верховным старейшиной: тот остановился позади одного из учеников и теперь, направляя его руку, обучал тонкостям удара по струнам.

Чи Шэну стало горько. Звуки, вылетавшие из-под его пальцев, становились всё более надрывными, пока не превратились в некое подобие погребального воя.

Линь Фэйсяню пришлось оставить остальных и подойти к самому проблемному ученику. Он

нахмурился:

— Что это за какофония?

Чи Шэн закусил губу:

— Учитель... у меня не получается. Не могли бы вы... наставить меня?

Впервые Чи Шэн осмелился так открыто и жадно встретиться взглядом с Линь Фэйсянем. Спустя мгновение его храбрость испарилась, и он низко склонил голову. Вспомнив о своем нелепом виде и растрепанных волосах, он почувствовал себя уродливой обезьяной. От этой мысли он сжался еще сильнее.

Линь Фэйсянь долго смотрел на него сверху вниз, затем медленно подошел и опустился на циновку рядом. Он — одним движением — почти обнял Чи Шэна со спины, потянувшись руками к струнам перед ним.

Чи Шэн мгновенно окаменел.

Когда Линь Фэйсянь учил других, он всегда соблюдал дистанцию, оставляя между собой и учеником вежливое пространство. Но сейчас Чи Шэн чувствовал его буквально кожей. Аромат холодного сандала, чистый и резкий, заполнил его ауру.

Словно рядом засиял лунный свет и закружились хлопья снега.

Чи Шэн уже сто раз пожалел о своей просьбе. Зажатый в этом кольце из рук и запаха сандала, он кожей ощущал дыхание наставника. Оно едва касалось его шеи, но в голове Чи Шэна бушевал настоящий шторм. Он осторожно покосился на профиль Линь Фэйсяня — так близко, что видел каждую пору его безупречной кожи, изящный изгиб носа и идеальную линию губ.

Он заметил маленькую родинку на правой скуле Линь Фэйсяня. Это было так неожиданно и интимно — на мертвенно-бледном, почти прозрачном лице эта черная точка казалась единственным живым штрихом, придающим его холодной красоте неуловимое очарование.

Тук.

Тук.

Тук.

Сердце колотилось в груди так гулко, что, казалось, это слышно всему залу. Чи Шэн сидел,

скованный напряжением, стараясь не касаться спиной чужой груди.

Низкий голос Линь Фэйсяня раздался прямо над ухом:

— Слегка коснись, мягко натяни, плавно соскользни и резко ударь... У этой сэ струн больше, чем у других инструментов, поэтому и техника должна быть ювелирной. — Он накрыл ладонью руку Чи Шэна. — Теперь расслабь пальцы.

Чи Шэн с трудом сглотнул. Голос наставника стал тише:

— Не нужно так нервничать. В напряжении музыку не чувствуют.

Чи Шэну казалось, что его сердце вот-вот разорвется.

Линь Фэйсянь пару раз небрежно задел струны, заставляя пальцы Чи Шэна следовать за своими. Две пары рук вместе скользили по декам, звук поднимался всё выше, нарастая к невидимому пределу, и вдруг — нота Чжи вырвалась на свободу!

Мощная волна духовной энергии сорвалась со струны, пронеслась над головой флейтистки и устремилась вовне!

Нефритовые подвески на окнах зазвенели в унисон, а в саду за стеной посыпался дождь алых лепестков с задрожавших деревьев сливы.

Линь Фэйсянь убрал руки и отстранился от замершего «утёнка». Его длинные ресницы дрогнули, скрывая влажный блеск глаз, а на кончиках век проступил едва заметный розовый отсвет.

Он стремительно поднялся, прижав согнутые пальцы к носу. Лицо его порозовело еще сильнее.

Даже голос его слегка дрогнул:

—...Уже лучше. Продолжай практиковаться.

Чи Шэн ошеломленно смотрел вслед наставнику, который почти бегом покинул зал.

«Наверное, мой вид вызвал у него такое отвращение, что он больше не смог этого выносить? — обреченно подумал он. — Точно. С другими он так себя не вел».

Чи Шэну стало нестерпимо обидно. До самого конца занятия он не осмелился больше даже взглянуть в сторону Линь Фэйсяня.

После уроков у обрыва его уже ждали Гунъи Лин, Ли Ло и Ли Сюнь. Все трое наперебой звали его в обеденный зал. Чи Шэн, раздавленный странной реакцией наставника, не стал спорить и пошел со всеми.

Его спутники были учениками Зала меча, и после обеда их ждали уроки фехтования. Ли Ло, как старший, давал наставления младшим братьям. Пока двое других препирались, он повернулся к Чи Шэну:

— Сяо Чи Шэн, что с тобой? Ты сегодня сам не свой.

Чи Шэн шмыгнул носом:

—...Я слишком уродлив.

Ли Ло мягко улыбнулся:

— Говорят, когда демоны только принимают человеческий облик, их энергия нестабильна, и они проходят через эту стадию «получеловека-полузверя». Белые лебеди считаются божественными созданиями, но они тоже духи. Со временем ты станешь настоящим красавцем.

Чи Шэн чуть не расплакался. Он-то знал, что никакой он не белый лебедь. Он ткнул ложкой в тарелку с рисом:

— Нет, я уродлив.

Он только недавно попал в мир людей и еще не научился пользоваться палочками, поэтому ел только ложкой. Чи Шэн в сердцах уставился на свою порцию и добавил:

— И глуп.

<http://bllate.org/book/17515/1657411>